

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-14-19

ЯЗЫК КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ П. Г. ВУДХАУСА)

© Алсу Ашрапова, Людмила Свирина, Индир Макаров

LANGUAGE AS A MEANS OF IDENTIFYING A NATIONAL CULTURAL CODE (BASED ON THE WORKS OF P. G. WODEHOUSE)

Alsu Ashrapova, Lyudmila Svirina, Indir Makarov

This article investigates the issue of interpreting cultural codes from a linguistic perspective, as well as the strategies for decoding these codes with a particular focus on the works of P. G. Wodehouse. The discussion centers on the interrelationship between language and the national cultural code, analyzing the latter's role as a linguistic marker that influences the formation and preservation of linguistic identity. It is a reflection of the British worldview, which makes it possible to use the works of the humorist as a basis for decoding ethnocultural information encrypted in the fictional text. The work is based on cultural, comparative-historical and historical-biographical analysis of the literary text to determine the ethnocultural specificity of the meanings embedded in the language of the author and his characters. The language of P. G. Wodehouse is a striking example of how literary text can serve as a means of transmitting and preserving a national cultural code. The study demonstrates that the cultural codes, embedded within linguistic units and their interactions, are crucial for understanding the specificities of national thought, information perception and its expression in speech. The practical significance of the work is the possibility of using the results of the research both in translation practice and in the study of the ethnocultural features of the foreign language information transmission by means of a cultural code.

Keywords: cultural code, linguistic picture of the world, representation of cultural codes, language, national specificity and identity

В статье рассматриваются проблема выражения культурных кодов в лингвистическом аспекте и способы их декодирования на примере произведений П. Г. Вудхауса. Рассмотрена тесная связь между языком и национальным культурным кодом, анализируется роль последнего как маркера языка, влияющего на формирование и сохранение языковой идентичности. Язык П. Г. Вудхауса является ярким примером того, как литературный текст может служить средством передачи и сохранения национального культурного кода, отражением мировоззрения британского социума, что позволяет использовать произведения писателя-юмориста как основу декодирования этнокультурной информации, зашифрованной в художественном тексте. В работе использовался культурологический, сравнительно-исторический и историко-биографический анализ литературного текста для определения этнокультурной специфики заложенных в языке автора и его персонажей смыслов. Было продемонстрировано, что культурные коды языковых единиц и их взаимодействие имеют важное значение для понимания особенностей национального мышления и восприятия иноязычной информации, закодированной в речи представителя иного мировоззрения, отраженного в языковой картине мира. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты исследования как в переводческой практике, так и для изучения этнокультурных особенностей передачи иноязычной информации средствами культурного кода.

Ключевые слова: культурный код, языковая картина мира, репрезентация культурных кодов, язык, национальная специфика и идентичность

Для цитирования: Ашрапова А., Свирина Л., Макаров И. Язык как способ идентификации национального культурного кода (на примере произведений П. Г. Вудхауса) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 14–19. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-14-19

В настоящее время вопрос о культурном коде выходит за рамки чисто научных интересов, что обусловлено непосредственным влиянием государственных, политических, социальных и этнокультурных процессов. Это связано с тем, что культурный код нации, народа – это своеобразный механизм, направленный на сохранение ее идентичности в динамично меняющейся социокультурной среде. Он играет ключевую роль в контексте межкультурной коммуникации и культурной трансформации.

Особую роль в изучении культурного кода играет язык. Современная лингвистика признает его не только как инструмент общения и познания, но и как важнейший элемент национального культурного кода (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сапир, Э. Бенвенист, М. М. Копыленко и др.).

Язык не просто отражает реальность и является инструментом передачи информации, он представляет собой мощный механизм, с помощью которого формируется и передается культурная идентичность и активно ее интерпретирует, создавая особую «картину мира», в которой живет человек. В. А. Маслова, описывая язык как «культурный код нации», подчеркивает его ключевую роль в формировании и передаче национальной идентичности [1, с. 20]. Таким образом, теория «лингвистического определения» утверждает, что языковая структура определяет восприятие мира и мышления, формируя «картину мира».

Д. Хаймс и Дж. Гумперц подчеркивают, что язык является инструментом социальных взаимодействий, отражая социальные нормы, иерархии и культурные практики. Идеи Хаймса и Гумперца определили новый взгляд на язык как на инструмент социальных взаимодействий, акцентируя внимание на том, что язык – это не только средство передачи информации, но и важный фактор, формирующий и регулирующий социальные отношения между людьми. Подобно тому, как язык отражает картину мира определенной нации, культурные коды формируют национальную картину мира. Представители одной культуры разделяют единый набор культурных кодов, что делает их уникальными и отличает от представителей других культур. В этом смысле язык и мышление выступают как системы репрезентации этих кодов.

Процесс формирования культурных кодов является длительным и многоступенчатым, охватывающим несколько поколений. Как отмечают А. Аванесова и О. Купцова, для формирования и обновления институционализированных и рационально значимых культурных кодов требуется как минимум 70-100 лет, что соответствует периоду активной жизни 2-3 поколений. При

этом основные культурные коды, которые зачастую трудно идентифицировать и описать, формируются гораздо дольше – возможно, в течение нескольких столетий. Их изменения происходят крайне медленно [2, с. 35].

Понимание культурных кодов – это задача, представляющая значительные трудности, даже для носителей одной и той же культуры. Представляя собой сложную систему, в которую входят знаки – слова, символы, модели поведения, используемые для передачи сообщений в контексте определенной культуры, культурные коды выражаются с помощью вербальных и невербальных средств.

Многоплановость понятия «культурный код», включающего пространственный, временной, предметный, количественный, космогонический, соматический, природноландшафтный, зооморфный, архитектурный, растительный, пищевой и множество других видов [3, с. 101] позволяет использовать его как этнокультурный идентификатор.

Исследователи считают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т. д. и т. п.» [4, с. 15]. Возможно с большой долей уверенности говорить о том, к какой лингвокультуре принадлежит индивидуум, если он или она используют маркированные для принадлежащих к данной культуре фразы, отражающие окружающие реалии.

Языковая картина мира охватывает особенности проживания человека и его этноспецифическое восприятие мира, которое складывается под влиянием многих факторов: культурных, исторических, экономических, социальных, географических, политических и т. д. Если британец говорит, что он в детстве питался не одной рыбой с жареной картошкой (not only fish and chips), для слушающих его речь понятно, что он или она хотят сказать о том, что детство было не совсем бедным, так как это самое дешевое блюдо на вынос, которое можно себе позволить в британской торговой сети. Назвать комнату для гостей лаундж (lounge) вместо гостиной (drawing room) означает для окружающих британцев, что вы не принадлежите к определенной части привилегированного общества, имеющей большой дом и много комнат разного назначения, у каждой из которых есть свое четкое предназначение. Таким образом, язык становится символом, кодом, который с большой долей уверенности позволяет идентифицировать этнокультурную при-

надлежность личности, зашифрованную в «особенности его мышления, языка, а также его культуры, истории, бытия» [5, с. 119].

Изменения в воспринимаемом субъектом окружающем мире находят свое воплощение в новой семантике слов, привычной для говорящего на данном языке в момент продукции речи или вызывающие определенные ассоциации, поясняющие, что хотел сказать ваш собеседник, например, описывающий человека с прической премьер министра с патологическим отвращением к расческам (who has a pathological aversion to combs), имея в виду Бориса Джонсона (Boris Johnson), премьер-министра Великобритании в 2019–2022 гг. Приблизительно данная ситуация была бы похожа на сравнение лопухого человека с Чебурашкой – популярным героем российских книг и мультфильмов, но, возможно, совсем неизвестного представителям другого этнокультурного сообщества. Образы литературных героев детской классики, безусловно, переживут политических деятелей, чей яркий сиюминутный имидж со временем поблекнет, уступив место новым персонажам. Именно благодаря литературным произведениям у большинства жителей других стран восприятие британцев укладывается в традиционные рамки консервативной, спортивной, невозмутимой и любящей путешествовать нации.

Сложившийся консервативный и сдержанный стереотип несколько нарушает английское чувство юмора, концепт, который исследователи неизменно включают в языковую картину мира жителей Британских островов. Исследователь проблем межкультурной коммуникации М. В. Цветкова наиболее важными концептами английского культурного мира считает дом, свободу, личное пространство, здравый смысл, чувство юмора, умение быть джентльменом, честную игру, умение стойко переносить невзгоды и наследие (поддержание традиций) (home, freedom, privacy, common sense, sense of humour, gentlemenliness, fair play, stiff upper lip, heritage) [6, с. 158–183]. Более того, исследователи отмечают умение британцев посмеяться над собой (self-deprecation), что отразилось в их характерных чертах, запечатленных в культурном коде.

Ярким представителем юмористического направления в англоязычной литературе является П. Г. Вудхаус (P. G. Wodehouse), чьи комические произведения и уникальный стиль языка сделали его одним из самых любимых авторов XX в. Его творчество не только развлекает, но и открывает окно в британскую культуру и социальные нормы того времени, отражая национальный культурный код Великобритании, включающие в се-

бя языковые, культурные и социальные особенности британского общества.

Одной из отличительных особенностей языка Вудхауса является его богатая и разнообразная лексика. Он использует слова и выражения, которые отражают специфические черты британского общества начала XX в.

Описывая встречу в Нью Йорке своих героев, англичанина и американца, британский автор дает яркий пример использования языка как способа идентификации: «*His compliments to this pint-size bozo on his virtuosity. The 'Oh, thanks awfully' which betrayed the other's English origin*». – «Его комплименты этому типу размером с пинту. И в ответ „О, спасибо большое“, что выдало его английское происхождение» (здесь и далее перевод наш. – А. А., Л. О., И. М.) [7, с. 2]. Использование американского сленга *bozo* и английская манера благодарить позволяют автору создать необходимый контекст для продолжения развития событий и создания особой атмосферы встречи представителей «двух стран, разделенных одним языком». В данной ситуации лингвистический компонент этнокультурной среды поддержан восклицанием «*Fry me for an oyster!*». – «Поджарь меня как устрицу!») [Там же] – любимое выражение частного детектива Берты Кул (Bertha Cool) из серии популярных американских детективов Эрла Стэнли Гарднера (Erle Stanley Gardner), которым американский персонаж выражает свое чувство удивления и восторга.

Национальную принадлежность героев, которые после принятия излишнего количества горячительных напитков оказались в полицейском участке, выдает и лексика, используемая для обозначения места их ареста: если англичанин использует для этой цели слово *jug* ‘кувшин, бутылка для виски’, то американец называет кутузку словом *hoosegows* испанского происхождения: «*'What's this place?' he asked in a faint whisper. 'Is it a jug of some description?' 'That's just about what it is, Willie. We call them hoosegows over here, but the general effect is the same'*» [Там же, с. 3], комментируя при этом, что по сути это одно и то же.

Различия в значениях слов, словоупотреблении и некоторых грамматических конструкциях – это хрестоматийные примеры британского и американского варианта английского языка, которые также можно отнести к языковому коду.

Интересны акценты, которые расставляют герои Вудхауса при восприятии реалий другой этнокультурной среды. Так, неприятие британских сословных различий в подчеркнуто равноправной среде американского общества выразилось фразой полицейского («*Oh, one of those? Right*». – «А, один из этих? Понятно»), произне-

сенной, когда ему пояснили, что нужно позвонить и попросить к телефону графа Эмсворта, а он лорд (*«Ask for the Earl of Emsworth. He's a lord»*) [7, с. 12]. Возникает образ типичного представителя определенной этнокультурной среды с присущим ему вербальным оформлением речи и отраженным в письменной форме восприятием окружающего мира, что позволяет идентифицировать его национальную принадлежность.

Исследователи культурного кода очень часто обращаются к продуктам питания людей как яркому проявлению этнокультурных особенностей повседневной жизни народа. Названия национальных блюд содержат большое число безэквивалентной лексики и связаны с традиционными способами приготовления и потребления напитков и привычной пищи.

В одной из книг, посвященной жизни аристократов в загородном поместье Блэндингс, автор описывает, что владелец поместья Лорд Эмсворт, недавно вернувшийся из поездки в Америку, куда он ездил на свадьбу племянницы, жаловался на два американских блюда, что составляют ежедневный рацион британца: чай и яйца. Лорда Эмсворта неприятно удивляло, что в Америке ему подают чай в пакетиках, а яйца всмятку в стакане. Подобный англоцентризм – характерная черта жителей британских островов, которые ко всему отличному от привычных им традиций повседневной жизни относятся с большой долей недоверия и скепсиса.

Резюмируя свои исследования в области английского характера, В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова пишут: «Английский национальный характер представляет собой сплав разных и порой противоречивых качеств личности, он представлен в своих социальных вариантах, его наиболее яркие свойства обусловлены островным положением Англии, высокой плотностью населения, историей страны, население которой неоднократно подвергалось завоеваниям и этническим трансформациям. Основу английского характера составляют любовь к свободе (неприятие контроля), признание права личности на независимое поведение, уважение к закону, привязанность к традициям, высокий эмоциональный самоконтроль» [8, с. 102].

Юмористические произведения П. Г. Вудхауса уделяют много страниц описанию другой немаловажной черты британцев: их любовь к братьям меньшим.

В одной из книг, посвященной жизни аристократов в загородном поместье Блэндингс, автор описывает, что владелец поместья Лорд Эмсворт, несмотря на первый приз, присужденный его тык-

вам, и серебряной медали, трижды полученной его свиньей Императрицей на ежегодном фестивале, не смог подняться на вершину общественной жизни Англии (*you could not say that he had really risen to eminence in the public life of England*). Отмечая заслуги Лорда Эмсворта именно в сельском хозяйстве, автор с юмором подчеркивает британскую привязанность к природе, фермерству, что является характерной чертой всех слоев британского общества, включая королевскую семью. Целая книга из серии о Блэндингс Касл П. Г. Вудхауса посвящена суете вокруг свиньи-призерки, которая становится фактически одной из главных героинь произведения, отражая истинную британскую привязанность к домашним любимцам: собакам, лошадям, свиньям. При встрече с братом после поездки в Америку главу семейства волнует не столько здоровье его родственников, сколько самочувствие его любимицы Императрицы:

«Well, I suppose the first thing you'll want to hear is how the Empress has been getting on in your absence. You'll be relieved to learn that she's as robust as ever..... Rosy cheeks and sparkling eyes». – «Ну, полагаю, первое, что бы ты хотел услышать, это как поживала Императрица в твоё отсутствие. Ты с облегчением узнаешь, что она крепка как никогда.....Розовые щеки и блеск в глазах» [6, с. 41].

Очеловечивание животного, придание ему женского облика, говорит как о проявлении уважения к чувствам брата, так и о том, что, как британец, он его чувства в какой-то мере разделяет.

Подобное же чувство восхищения испытывает британец при виде пейзажей сельской местности, радующей глаз своей пасторальной красотой:

«Its decorous High Street, its lichened church, its red-roofed shops and its age-old inns with their second storeys bulging comfortably over the pavements combine to charm the eye». – «Его благопристойная Хай-стрит, его покрытая лишайником церковь, его магазины с красными крышами и его старинные гостиницы, чьи вторые этажи уместно нависают над тротуарами, – все это очаровывает глаз».

Описанное очарование становится тем более очевидным, что следующее предложение в качестве контраста предлагает оживленную улицу Лондона: «...and this is particularly so if that eye has been accustomed to look daily on Halsey Court, London W1». – «...в особенности, если ваш глаз привык ежедневно смотреть на Хэлси Корт в Лондоне» [7, с. 61]. В глазах британца красота сельской местности не может сравниться с городским пейзажем. Здесь же проявляется неиз-

менное преклонение перед стариной и традиционным укладом жизни, которое можно прочесть в описании деревенской церкви и гостиницы.

Идентифицируемый П. Г. Вудхаусом тип британца при всей его узнаваемости значительно отличается от устоявшегося стереотипа, приобретая благодаря юмористическому описанию привлекательные в общечеловеческом плане черты характера, имеющие позитивную окраску.

И безусловным указанием на национальную принадлежность героев П. Г. Вудхауса являются его ссылки на авторов и героев английской классической литературы. На протяжении всей книги автор обращается к именам создателей классических художественных произведений и их персонажам, которые стали символами, позволяющими лучше понять описываемый автором образ. В большинстве случаев это не сюжетная линия литературных произведений, а сама репутация писателей, поэтов и их героев как имидж в глазах британских читателей. Как автор юмористического произведения, Вудхаус приводит сравнения с великими литераторами в комическом контексте. Наиболее часто встречаются ссылки на Шекспира: когда Лорда Эмсворта упрекают в том, что он выдумал историю про разорившегося жениха его племянницы, он возражает, что неспособен придумать подобную историю, так как он – не Шекспир: «*Dash it, do you think I'm capable of making up a story like that? I'm not Shakespeare*» [Там же, с. 57]. Вудхаус сравнивает нерешительность Типтона с колебаниями Гамлета («*Like Hamlet, he had become irresolute*») [Там же, с. 11], а опасения Уилфреда по поводу решительных действий своей деспотичной тетушки с разговором Макбета и леди Макбет («*...he had been feeling like Macbeth talking things over with Lady Macbeth*») [Там же, с. 146]. Описывая Уилфрида Элсопа, который был бледен, с остекленевшим взглядом и растрепанными волосами, автор сравнивает его вид с поэтом Шелли после разгульной ночи с Лордом Байроном («*He looked like the poet Shelly after a big night out with Lord Byron*») [Там же 7, с. 3]. Диккенс предстает как автор произведений исключительно позитивного настроения и солнечной атмосферы:

«The sunny mood in which he had begun the day had changed completely. Five minutes before, he had been the little friend of all the world and could have stepped straight into a Dickens' novel and no questions asked, but now he viewed the human race with a jaundiced eye and could see no future for it») [Там же, с. 68].

Стихотворение Киплинга приходит на ум Лорду Эмсворту, когда якобы разорившийся же-

них племянницы демонстрирует удивительную бодрость духа [Там же, с. 76]. Выбор авторов литературных произведений и интерпретация их творений, безусловно, носят субъективный характер, но позволяют автору, используя культурный код, заложенный в языке, создать яркую картину британских образов.

П. Г. Вудхаус в своих произведениях мастерски использует языковые особенности, чтобы передать британский юмор и менталитет, что делает произведений не просто забавными, но и познавательными, погружая читателя в уникальную атмосферу британского менталитета. Юмор писателя пронизан национальным колоритом, который передает общие представления о британском обществе: классовые стереотипы, отношения между людьми разных социальных слоев, увлечение природой и любовь к животным, домашним любимцам – все то, что возникает в виде привычных образов при восприятии языковых сигналов. Результатом этого является создание культурного кода, который передает социальные акценты и пристрастия. П. Г. Вудхаус интегрирует в свой текст специфические британские сленговые выражения и идиомы, которые не всегда понятны не носителям языка, что создает атмосферу аутентичности и погружает читателя в реальность британской культуры: *to pass beyond the veil* ‘умереть’ [7, с. 4], *on the nights of wine and roses* ‘ночи счастья и процветания’ [Там же, с. 6], *to shoot the breeze* ‘поболтать’ [Там же, с. 7], *the only onion in the stew* ‘единственный достойный внимания в данной заварушке’ [Там же, с. 23], *to be on velvet* ‘весь в «шоколаде»’ etc. [Там же, с. 34]. Фразеологические единицы как компонент культурного кода часто становятся предметом лингвокультурологических исследований.

Для зарубежного читателя этнокультурная символика, заложенная в языке литературного произведения, требует особого осмысления, предполагающего наличие фоновых знаний для адекватной интерпретации культурного кода, отражающего мировосприятие представителя иноязычной культурной среды, что также налагает особую ответственность на переводчика, декодирующего информацию, заложенную в иноязычном культурном коде.

Список источников

1. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19–30.
2. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: во-

просы филологии, искусствоведения и культурологии. № 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 28–37.

3. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Научный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

4. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): Монография. М.: Изд-во Моск. гор. пед ун-та, 2005. 70 с.

5. Язык как культурный код нации // Отв. ред. А. В. Зеленщikov, Е. Г. Хомякова. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2014. 264 с.

6. Цветкова М. В. Английское // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Совместно с В. П. Григорьевой, В. В. Кулаковой и др. Нижний Новгород: изд. Нижегород. гос. лингв. ун-та. 2001. С. 158–183.

7. Wodehouse P.G. Galahad at Blandings // Penguin Books. 1966. 206 p.

8. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М., Гнозис, 2006. 240 с.

References

1. Maslova, V. A. (2010). *Natsionalnye tsennosti i yazyk: dukhovnyi kod kul'tury* [National Values and Language: The Spiritual Code of Culture]. *Lingvistika*. No. 2 (20), pp. 19–30. (In Russian)

2. Avanesova, G. A., Kuptsova, I. A. (2015). *Kody kul'tury: ponimanie sushhnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoi praktike* [Codes of Culture: Understanding the

Essence, Functional Role in Cultural Practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. No. 4 (47), pp. 28–37. Novosibirsk, SibAK. (In Russian)

3. Rozenkova, Kh. E., Shustova, S. V. (2017). *Lingvokul'turnyi kod: opredelenie, problema klassifikatsii, rol' v mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Linguocultural Code: Its Definition, Classification Problem and Role in Intercultural Communication]. *Nauchnyi zhurnal*. No. 2, pp. 101–104. (In Russian)

4. Savitskii, V. M., Gashimov, E. A. (2005). *Lingvokul'turnyi kod (sostav i funktsionirovanie): Monografiya* [Linguocultural Code (Composition and Functioning): A Monograph]. 70 p. Moscow, izd-vo Mosk.gor.ped un-ta. (In Russian)

5. *Yazyk kak kul'turnyi kod natsii* (2014) [Language as a Cultural Code of a Nation]. *Otv.red. A. V. Zelenshnikov, E. G. Homyakova*. 264 p. Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. (In Russian)

6. Tsvetkova, M. V. (2001). *Angliiskoe. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Uchebnoe posobie* [The English. Intercultural Communication. A Study Guide]. *Sovmestno s V. P. Grigor'evoi, V. V. Kulakovoi i dr. Nizhnii Novgorod*. Pp. 158–183. Izd. Nizhegorod. gos.lingv.un-ta. (In Russian)

7. Wodehouse, P. G. (1966). *Galahad at Blandings*. 206 p. Penguin Books. (In English)

8. Karasik, V. I., Yarmahova, E. A. (2006). *Lingvokul'turnyi tipazh "angliiskii chudak"* [Linguocultural Type "English Weirdo"]. 240 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024

Поступила в редакцию 02.11.2024

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Alsu.Ashrapova@kpfu.ru

Свирина Людмила Олеговна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
l.o.svirina@yandex.ru

Макаров Индир Михайлович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
IndMMakarov@kpfu.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Alsu.Ashrapova@kpfu.ru

Svirina Lyudmila Olegovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
l.o.svirina@yandex.ru

Makarov Indir Mikhailovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
IndMMakarov@kpfu.ru